

После прощания с товарищами по команде в Уилфорде Иствуд провел пресс-конференцию, на которой официально объявил СМИ и внешнему миру о своем уходе из команды. Ни одно СМИ не знало об этой новости заранее, хотя некоторые из них могли догадаться об этом.

Пресс-конференция проходила на стадионе "Сити Граунд". Перед пресс-конференцией уже был некоторый шум в прессе - Эствуд не стал бы объявлять хорошие новости на пресс-конференции. Некоторые из болельщиков "Форест", которым был безразличен Иствуд, собрались у стадиона и с тревогой ждали последних новостей с пресс-конференции.

Когда безупречно одетый Иствуд появился перед репортерами в сопровождении Твена, шумная пресс-конференция внезапно стихла.

Сидя на своем месте, имея перед собой бесчисленные микрофоны и ручки для записи, Иствуд не спешил говорить. Ему нужно было немного мужества, чтобы впервые обнародовать свое решение.

Твен сел рядом с ним и легонько похлопал его по спине.

В комнате воцарилась тишина. Через некоторое время Иствуд перевел дыхание и произнес со своим характерным акцентом: "Я принял решение. Когда мне сделали операцию в США, мой врач сказал мне, что даже если мое колено восстановится, я не обязательно смогу продолжать выдерживать нагрузки профессионального футбола. Я долго думал об этом и решил уйти в отставку".

Хотя некоторые люди уже догадались о причине неожиданной пресс-конференции Иствуда, они все равно были шокированы, услышав слова, прозвучавшие из его уст лично. На месте происшествия царил суматоха.

После того как Иствуд сказал свое слово, его больше не волновала бурная реакция репортеров. Он встал и вышел вместе с Твеном. Некоторые из репортеров, которые отреагировали первыми, протиснулись в первый ряд, чтобы задать ему несколько вопросов, но он отмахнулся от них и сказал: "Мне нечего сказать, спасибо всем".

С этими словами он удалился с опущенной головой.

Кто-то прицелился в Твена.

"Мистер Твен! Мистер Твен..."

"Прости, мне тоже нечего сказать. Вот такие дела. Мы устроим церемонию прощания с Фредди в одном из домашних матчей турнира лиги более чем через полмесяца. На этом все, спасибо всем, кто пришел..."

Твен махнул рукой и отказался от дальнейших вопросов журналистов.

"Нападающий "Ромы" объявил о своем уходе!"

"С тремя серьезными травмами правого колена это конец его карьеры!"

"Тони Твен потерял основного игрока. Иствуд помахал на прощание в слезах!"

"Список из трех серьезных травм в карьере Иствуда. Его отставка должна была произойти еще десять лет назад!"

"Причиной отставки Романи стал кто-то другой, а не бывший капитан "Ноттингем Форест"!"

...

В СМИ появились всевозможные шокирующие и привлекающие внимание заголовки.

Внезапно все узнали новость об отставке Иствуда. Многочисленные репортеры стекались в Уилфорд в надежде выведать дополнительную информацию. Хотя Иствуд никогда не был одним из лучших европейских нападающих, два победных гола, забитых им в двух матчах Лиги чемпионов УЕФА, распространили его славу по всей Европе и миру. В СМИ даже появились отзывы о его карьере, в которых сообщалось, что без Иствуда Тони Твен определенно не смог бы вернуть те два чемпионских трофея.

Болельщики "Ноттингем Форест" давно считали его лучшим нападающим в мире, и их любовь к нему не проходила бесследно. Когда они узнали, что Иствуд уходит на пенсию, то некоторое время не могли с этим смириться. Каждый день возле тренировочной базы "Уилфорда" собиралось большое количество болельщиков с портретами Иствуда, плакатами и лозунгами, призывающими Иствуда остаться. К сожалению, герой в их понимании находился не на тренировочной базе, а восстанавливался дома.

Атмосфера на тренировочной площадке была не такой, как раньше. Всем было неприятно видеть столько табличек с лозунгами, призывающими Иствуда остаться. Но босс был прав. Раз уж они были братьями, то должны уважать решение брата.

Иствуд выбрал свой путь, и никто другой не имеет права вмешиваться в него.

Поклонники стекались на интернет-форумы, чтобы разместить эмоциональные сообщения в надежде убедить Иствуда передумать.

Но ничего из этого не вышло.

Некоторые репортеры хотели взять интервью непосредственно у Иствуда, но обнаружили, что тот отключил свой мобильный телефон.

Как профессиональному игроку, ему требовалось нечто большее, чем мужество, чтобы принять решение уйти на пенсию в тридцать лет. Даже если бы он принял это решение, ему было бы очень тяжело. Иствуд чувствовал себя подавленным в течение двадцати дней восстановления дома.

Его жена, Сабина, принимала все это и иногда шутила с мужем, играя с картами в руках: "Судьба говорит, что ты еще можешь вернуться и играть в футбол".

Иствуд посмотрел на нее и сказал: "Если я поведусь на то, что ты пытаешься сделать, значит, я не цыган. Не поднимай эту тему, Сабина. Я не собираюсь менять свое решение..."

"Ты столько лет играл в футбол и вдруг в один прекрасный день ты больше не хочешь играть. Не говори, что сможешь привыкнуть?".

"Почему я не могу привыкнуть? Я не играл в футбол в течение этого периода. У меня все хорошо, не так ли?".

В эти дни Иствуд действительно не соприкасался с футболом. После того как он смог свободно ходить без костылей, он был в конюшне, чтобы ухаживать за своей лошадью, Бланком, который

был с ним уже десять лет.

Сабина усмехнулась и перестала говорить об этом. "Завтра ты идешь на стадион. Разве ты не собираешься рано лечь спать?"

Иствуд покачал головой и сказал: "Я не из тех, кто собирается играть в матче".

Сабина поцеловала мужа в лоб и сказала: "Тогда я поднимусь и посмотрю, спят ли еще дети".

"Хорошо." несколько рассеянно ответил Иствуд.

Оставшись один в гостиной, Иствуд зарылся лицом в ладони. Сабина правильно сказала - теперь, когда он вдруг перестал играть в футбол, он действительно не мог к этому привыкнуть.

В тот момент, когда он позвонил своему начальнику, он только что получил травму. В тот момент, глядя на свои колени, он подумал, что очень устал от такой жизни. Он даже подумал, что проведет остаток жизни в инвалидном кресле. Тогда он решил без колебаний распрощаться с прошедшими десятью годами. Он был убежден, что сделал правильный выбор.

Он по-прежнему считал, что правильно поступил, уйдя на пенсию. Но его сердце уже не было таким решительным, как полмесяца назад. Иногда, когда он закрывал глаза, в его ушах звучали аплодисменты со стадиона "Сити Граунд", и все звали его по имени. Когда он крепко засыпал, ему снилось, что он вернулся на поле и у него есть пара здоровых коленей. Тогда он бегал по полю, забивал голы и наслаждался радостными возгласами болельщиков.

Проснувшись от этого сна, он понял, что действительно не может жить без футбола.

Он действительно не мог продолжать играть со своими коленями, но босс дал ему работу тренера. Он все равно был счастлив. По крайней мере, он не был за тысячи миль от футбола и не имел к нему никакого отношения. Он по-прежнему мог сражаться вместе со своими братьями. Он лишь изменил свою личность.

Футбол для меня больше не просто хобби или работа.

Футбол - это моя жизнь".

Иствуд уже поднялся с постели, когда раннее утреннее солнце еще скрывалось за облаками. Шорох, раздавшийся, когда он одевался, разбудил его жену.

Сабина ворчливо посмотрела на своего занятого мужа и спросила: "Разве ты не сказал, что не играешь?". Что ты делаешь так рано?".

"Собираюсь покататься на лошади, чтобы размяться". Ответ Иствуда был таким же, как и тогда, когда была домашняя игра.

Сабина услышала это и села с кровати: "Но ты же не играешь..."

"Спи, Сабина".

Его жена провела пальцами по своим беспорядочным волосам на макушке, покачала головой и пробормотала: "Я приготовлю тебе завтрак".

Слабый солнечный свет под углом светил в окно. В столбе света плясали пылинки, и в

сумрачной конюшне было очень тихо.

Вскоре тишину нарушил скрип двери.

Иствуд встал у двери, сделал глубокий вдох и принялся к знакомому запаху.

Существо в конюшне почувствовало, что здесь кто-то есть. Оно фыркнуло в знак приветствия.

"Бланк". Не включая свет, Иствуд подождал, пока глаза привыкнут к темноте помещения, прежде чем войти.

Он снова фыркнул.

Иствуд остановился перед черной лошастью. Он протянул руку, чтобы погладить шею черной лошади. Его ласка была нежной, как будто он прикасался к своей возлюбленной.

Черный конь Бланк тоже склонил голову рядом с хозяином и ласково топнул копытами.

Иствуд не стал отвечать на вопрос жены. Он просто сказал Сабине, чтобы она ложилась спать, потому что не мог объяснить жене, в каком он настроении - он ездил на Бланке по своему полю только в ранние часы, когда у него была домашняя игра. В противном случае он не стал бы этого делать. Так почему же он хотел сделать это сегодня?

Его не мучило. Он знал, что сегодня он просто идет на стадион, чтобы попрощаться перед игрой. Он не собирался играть в футбол. Но его тело хотело сделать несколько кругов верхом на Бланке в это время. Была ли это физическая привычка?

Иствуд отвязал ремень, удерживающий лошадь, надел поводья на Блана и медленно вывел его из конюшни.

Снаружи было явно светлее, чем внутри. Он и лошадь посмотрели друг на друга. Иствуд с улыбкой посмотрел на Бланка и сказал: "Привет, старый друг. Сегодня я ухожу на пенсию, так что ты тоже на пенсии. Прокатимся еще разок?"

Когда он еще работал в "Грейс Атлетик", он катал девятилетнего Бланка по дороге, чтобы размяться. Он жил в модернизированном караване и припарковал свой дом в лесу в пределах зеленого пояса. Все вокруг смотрели на него как-то странно. Но его это никогда не волновало. Он гордился тем, что он цыган. Теперь, когда у него появились деньги и дети, ему не нужно было жить в караване, но он все еще сохранил странную привычку ездить рано утром после каждой домашней игры, чтобы размяться.

Однажды репортер брал у него интервью и спросил, почему он всегда забивает победные голы в самые ответственные моменты, помогая команде выиграть. В качестве причины он всегда называл своего счастливого пони Бланка.

Сегодня "счастливый пони" превратился в "счастливую старую лошадь", да и ему самому было уже тридцать лет.

Иствуд похлопал Блана по спине и наступил на стремя, чтобы привстать в седле.

"Поехали, старый друг!"

Он легонько похлопал черного коня по спине, и Блан рысью помчался за своим хозяином.

Холодный утренний ветерок дул в лицо Иствуду, и грива Блана развевалась на ветру. Иствуд почувствовал давно забытый комфорт. Ему не терпелось подхлестнуть лошадь.

"О, о. Блан! Ты скачешь очень резво! На самом деле, ты еще можешь бегать, ты ведь еще не старый!"

Бланк пробежал по дорожке, и тогда Иствуд просто ослабил поводья. Он раскинул руки, откинул тело назад и закрыл глаза, чтобы насладиться ветром, дующим вокруг него. Впав в транс, Блан стал его ногами. Он бегал по полю столько, сколько хотел, и без усталости. Каким бы яростным ни было столкновение, оно не могло остановить его темп. Он бежал и бежал так, оставляя позади всю свою боль и печаль. Пока он бежал, он выбросил из головы все звуки. Он продолжал бежать...

"Фредди, ты хочешь играть в профессиональный футбол?"

На холодном ветру несколько бисеринок воды пролилось с лица Иствуда.

Его маленькая дочь, Чартвейни, слышала лязгающий звук, доносящийся из кухни, когда встала, чтобы сходить в туалет. С любопытством спустившись вниз, она обнаружила, что это была ее мать.

Все еще сонная, она протерла глаза и спросила: "Мама? Где папа?"

Сабина повернулась и увидела свою маленькую дочь. Она с улыбкой ответила: "Папа поехал кататься на лошади".

"А у папы сегодня игра..." Шестилетняя маленькая дочь еще мало знала о своем отце, но она знала только одно - если ее отец выезжает верхом рано утром, то днем или вечером у него должен быть матч.

Затем ей пришлось бы ждать, наблюдая за отцом перед телевизором.

"Да, последняя игра". Сабина подошла и поцеловала юное лицо дочери. "Иди обратно в постель. Ты не надела свои тапочки. Будь осторожна, чтобы не простудиться".

"Мамочка, ты видела мои новые футбольные бутсы?" Голос ее старшего сына, Ллевеллина, доносился сверху, за ним следовали звуки торопливых шагов.

"Почему вы все сегодня так рано встаете?" Сабина посмотрела на двух своих детей, стоящих перед ней, и спросила. "Я не заметила твои новые сапоги. Ты всегда разбрасываешь свои вещи. Ты не можешь найти их, когда хочешь их использовать, не так ли?"

"Я попросил своих друзей поиграть в футбол утром". Одиннадцатилетний Ллевеллин потянулся за куском хлеба на столе, но Сабина быстро отпихнула его.

"Иди чисти зубы и умывайся!"

"Где папа?" Ллевеллин не сразу взялся за дело. Он повернулся и огляделся. "Он рано пошел на конюшню поболтать с Бланком?"

"Нет, он поехал кататься верхом".

Llewellyn whistled. Затем он повернулся и направился вверх, чтобы умыться.

"Ллевеллин, принеси вниз туфли своей сестры!" крикнула Сабина снизу.

"Понял!"

Сабина подхватила свою хорошо воспитанную маленькую дочь и посадила ее на стул, чтобы ее босые ноги не касались холодного пола.

Жаль, что ее усилия оказались напрасными.

За дверью столовой послышался звук открывающейся двери. Чартвейни взволнованно вскочила со стула и босиком побежала к двери.

"Папа..."

"Чартвейни! Доброе утро, моя маленькая красавица!"

"Доброе утро, папа!" Девочка поцеловала отца в лицо.

"Иди умойся и почисти зубы, Чартвейни. Ллевеллин! Долго ты еще будешь бездельничать? Быстро спусти туфли своей сестры!" В этом доме, похоже, Сабина была главой семьи. Иствуд, с другой стороны, ничего не успевал, кроме как есть.

"Иду! Иду!" Старший сын помчался вниз как ветер.

Он бросил туфли перед сестрой и снова подбежал. "Доброе утро, папа!" прозвучало его приветствие, когда он уже был наверху.

Когда семья из четырех человек собралась за едой, отец объявил решение: "Ллевеллин, Чартвейни, вы, ребята, пойдете со мной на стадион Сити Граунд после обеда".

Чартвейни не возражала. В юном возрасте она была счастлива быть с отцом. У нее еще не было много времени на общение. Ллевеллин немного удивился и сказал: "Я собираюсь встретиться с Хешером и Энди..."

"Ллевеллин." раздался строгий голос его матери: "Твой отец хочет быть со всеми вами в это время".

Ллевеллин Иствуд посмотрел на свою строгую мать и снова на улыбающегося отца, прежде чем кивнуть и сказать: "Хорошо, папа".

Его сестра была еще маленькой и могла не понять, что означает выход на пенсию. Но одиннадцатилетний Ллевеллин определенно мог понять. Это было действительно важнее, чем прогулки с друзьями.

Иствуд протянул руку и погладил сына по голове. "Спасибо тебе. Ллевеллин. Чтобы загладить свою вину, в будущем я буду больше времени играть с тобой в футбол".

"Ты, должно быть, имеешь в виду то, что говоришь, папа". Ллевеллин почувствовал, что его отец, похоже, предпочитает проводить время с Бланком. Лошадь уже давно была постоянным членом семьи. Когда он еще не родился, у его отца уже был Блан. Их отношения были прочными. Иногда ему становилось обидно, когда он думал об этом - кто именно из них был сыном его отца?

Иствуд улыбнулся, нежно ущипнул за щеку своего надувшегося сына и сказал: "Перекрести

мое сердце".

На стадионе "Сити Граунд" стало оживленнее, чем обычно. Болельщики "Ноттингем Форест" были заранее проинформированы различными СМИ о том, что сегодняшняя игра отличается от других. Их любимый нападающий Фредди Иствуд хотел попрощаться с "Ноттингем Форест" перед матчем лиги против "Арсенала".

Хотя Иствуд не был игроком, выращенным "Ноттингем Форест", он проработал здесь десять лет, и можно сказать, что он посвятил всю свою карьеру "Ноттингем Форест". Уже давно забылось, что когда-то он был членом молодежной команды "Вест Хэм Юнайтед".

Первые полчаса сегодняшней игры принадлежали Иствуду, и ни один болельщик "Форест" не хотел их пропустить. Они пришли более чем на полчаса раньше, чем раньше, и ждали, чтобы попрощаться с цыганским нападающим, который принес им два трофея Лиги чемпионов УЕФА.

Пока игроки "Ноттингем Форест" и "Арсенала" разминались на поле, Иствуд, одетый в повседневный пиджак, привел свою семью, чтобы пообщаться с председателем клуба.

"Жаль уходить на пенсию так рано, Фредди". сказал Эван Дафти, похлопав своего бывшего игрока по плечу и покачав головой: "Я до сих пор помню, как ты в первый день появился в Уилфорде. Буксировал караван с лошадью и безостановочно препирался со своей женой у входа... Ты меня напугал. Хаха!"

Эван засмеялся, и Иствуд тоже засмеялся. Но когда он вспоминал то время, его улыбка была немного кривой. В то время ему было всего двадцать...

"Я рад, что ты принял тренерский контракт, который дал тебе Тони. Честно говоря, я всегда чувствовал, что клуб в большом долгу перед тобой".

Иствуд покачал головой и сказал: "Пожалуйста, не говорите так, сэр. Для меня было честью играть за "Ноттингем Форест". Когда я играл за "Грейс Атлетик", я никогда не думал, что смогу поднять над головой трофеи Лиги чемпионов и Премьер-лиги. И уж тем более дважды".

Поскольку это было официальное прощание с Иствудом перед сегодняшней игрой, все были в приподнятом настроении. Хотя Иствуд согласился стать тренером команды, все больше любили Иствуда как игрока.

Даже босс, который всегда любил что-то сказать перед игрой, сегодня был сам не свой. Он просто сидел у двери, не говоря ни слова. Никто не знал, что у него на уме.

Атмосфера в раздевалке была немного неловкой.

Джордж Вуд был, пожалуй, самым тихим из всех.

Он все время поправлял капитанскую повязку на руке. Он надевал ее, снимал и смотрел на нее в своей руке. Потом снова надевал и снова снимал...

Казалось, у него было много забот.

Твен посмотрел на часы. Неуютное молчание наконец-то закончилось.

"Ладно, ребята. Уже почти время. Идите туда. Нам еще нужно попрощаться с Фредди".

Вуд был последним игроком, вышедшим из раздевалки. Так как он был капитаном команды, то обычно он должен был идти в авангарде.

После того, как обе команды вышли из туннеля, они не выстроились в линию, чтобы сделать командные фотографии, обменяться флагами команд, провести жеребьевку или пожать друг другу руки... Они выстроились за пределами туннеля, ожидая появления человека.

В это время "Арсенал" был очень любезен как соперник, что не имело никакого отношения к Иствуду. Чтобы проявить полное уважение к уходящему легендарному нападающему, Твен был благодарен Арсену Венгеру за его готовность сделать это. Возможно, он должен быть рад, что игра проходила не против одной из команд его заклятых соперников...

Иствуд стоял в туннеле, окруженный персоналом, который отвечал за поддержание порядка. Он держал за левую руку своего одиннадцатилетнего сына Ллевеллина, а за правую - шестилетнюю дочь Чартвейни, нервно ожидая сигнала.

На трибунах снаружи раздался единый голос. Все болельщики в унисон скандировали его имя, которое было отчетливо слышно.

"Папа? Они выкрикивают твое имя". Чартвейни прислушалась на мгновение и сказала отцу.

"Да, Чартвейни. Они выкрикивают имя папы. Тебе нравится то, что на тебе надето?". Он коснулся носом лба Чартвейни. Он имел в виду красную майку "Форест", которую носила его дочь, с его именем "Иствуд" и номером "11" на спине.

"Мне нравится!"

"Почему?"

"Потому что на ней написано папино имя!" взволнованно сказал Чартвейни.

По сравнению с восторгом Чартвейни, Ллевеллин молчал, держа отца за руку.

Он не считал это очень интересным занятием, как его сестра. Хотя после выхода на пенсию у отца будет больше времени, чтобы проводить его с ним, в душе он по-прежнему любил, когда отец бегал, забивал голы и болел за него на поле. Его друзья всегда завидовали, когда упоминали его отца и говорили ему: "Ллевеллин, у тебя отец - герой! Если бы только мой отец был таким, как твой отец..." "Ллевеллин, твой отец снова забил гол во вчерашней игре! Это был такой крутой гол! Лоб!" "Ллевеллин, пожалуйста, помоги мне получить автограф твоего отца..."

Он поджал губы. Чем больше он думал, тем хуже себя чувствовал. Слезы наворачивались на глаза, казалось, что они могут пролиться в любой момент.

Мой отец - герой! Я сын героя, я не могу плакать!

Он напряженно думал.

Почувствовав, что сын с силой сжал его руку, Иствуд повернулся налево. Он посмотрел на своего спокойного сына со склоненной головой и улыбнулся.

После того как отзвучал музыкальный фрагмент, в прямом эфире раздался голос диктора: "Это не радостная новость для нас. Наш звездный игрок Фредди Иствуд решил попрощаться с нами в этот день..."

Персонал у входа подал сигнал Иствуду, показывая, что он может выходить.

"Пойдем, Ллевеллин".

Затем Иствуд повел за собой сына и понес дочь, когда они вышли на улицу.

Когда 11-й номер "Ноттингем Форест" повел двух своих детей, одетых в его футболки, к выходу из туннеля, на стадионе поднялось цунами криков.

"Фредди! Ты наш герой!"

"Ты потрясающий, Романи!"

"Прощай, Фредди! До свидания!"

"Переоденься, Фредди! Пожалуйста!"

"Не уходи, Фредди... Оглянись вокруг, готов ли ты оставить это?"

"Фредди, ты нужен нам! Ты нужен Тони! Ты не можешь этого сделать!"

...

С улыбкой на лице Иствуд отпустил руку сына и помахал всем на прощание. Но на его лице уже было две дорожки слез.

Игроки "Арсенала" и "Ноттингем Форест" стояли рядом с ним и аплодировали ему. Некоторые даже показывали ему большой палец вверх.

Чартвейни с любопытством наблюдал за этой сценой.

Она могла не понимать чувств этих людей. Но она знала, что ее отец был очень популярен. Выражение лица Ллевеллина стало еще хуже. Он почти собирался расплакаться на публике.

Сабина встала в ложе, чтобы поаплодировать своему мужу, как и все на стадионе.

Таким образом, он прошел до середины поля, наклонился, чтобы посадить свою дочь, и взял у персонала беспроводной микрофон.

При этом звуки на стадионе постепенно стихли. Они знали, что Иствуду есть что сказать, и не хотели пропустить каждое его слово.

"Спасибо... большое спасибо всем". Иствуд обуздал свои эмоции и постарался привести свой дрожащий голос в норму. Он говорил медленнее, чтобы все могли четко слышать его слова. "Когда я был еще игроком-любителем, я никогда не думал, что однажды меня ждет такое прощание. Я так счастлив, что вы все пришли меня проводить..."

После минутного молчания Иствуд постарался не дать себе расплакаться на месте. Как бы он ни заставлял себя улыбаться, в душе у него не было желания улыбаться в этот момент.

"Я хочу поблагодарить футбольный клуб "Ноттингем Форест" и моих товарищей по команде. Больше всего я хотел бы поблагодарить менеджера Тони Твена. Если бы не он, у меня никогда бы не было возможности стоять здесь и говорить всем вам спасибо".

Во время телепередачи Твена показали крупным планом. Он стоял перед технической зоной, скрестив руки на груди, с серьезным выражением лица.

"Моя профессиональная карьера длилась всего десять лет... Но я не думаю, что она была короткой. За эти десять лет я получил все почести, о которых думал или не думал. Я очень доволен и счастлив. Я счастлив каждый день из тех десяти лет, что я играл в "Ноттингем Форест", потому что я делаю то, что я люблю, и в той среде, которую я люблю".

"Но теперь пришло время попрощаться с вами и моими товарищами по команде". Слезы неудержимо текли из глаз Иствуда.

"Десять лет назад шеф как-то сказал мне, что я стану легендарным нападающим "Ноттингем Форест"... Мне очень жаль, шеф, что я разочаровал вас..."

Иствуд сунул микрофон в руки сотрудникам и наклонился, чтобы обнять свою дочь Чартвейни.

"..." Керслэйк услышал, как рядом с ним Твен выругался под дых: "Ты чертова легенда, Фредди".

Англичанин, который всегда кричал во всю мощь своих легких и играл перед игроками роль сурового помощника менеджера, не смог удержаться и разрыдался.

"Папа? Ты плачешь..." Чартвейни странно посмотрела на отца. Знакомое лицо было мокрым.

"Папа не плачет, папа... счастлив". Иствуд натянул на лицо улыбку: "У меня будет больше времени, чтобы проводить с тобой, Чартвейни. Ты счастлива?"

Чартвейни мгновение смотрела на отца, а затем открыла рот, чтобы прокричать: "Счастлива!".

"Пойдем обратно".

Он снова поднял Чартвейни и взял за руку Ллевеллина.

"Фредди Иствуд, некогда игрок-любитель, у которого была сломана нога, когда он присоединился к "Ноттингем Форест" 1 января 2004 года, тогда ему было двадцать лет". Мотсон, который отвечал за комментарий матча, с энтузиазмом сказал: "Сейчас ему за тридцать. Он взял свою семью, чтобы попрощаться с болельщиками "Форест". Он сказал, что не является легендарным нападающим, но в сознании болельщиков "Ноттингем Форест" нет никого более легендарного, чем он".

"Игрок-любитель, который забил победный гол в двух финалах Лиги чемпионов УЕФА и помог "Ноттингем Форест" вернуть себе титул чемпиона после двадцативосьмилетнего перерыва. Его правое колено получило серьезную травму до того, как он стал игроком "Форест", но он таскал травмированную ногу на поле, чтобы играть за "Ноттингем Форест" в течение десяти лет, забив в общей сложности сто тридцать семь голов.

Он не является игроком с наибольшим количеством забитых голов в истории футбольного клуба "Ноттингем Форест", но он определенно игрок, забивший самые ценные голы в истории команды! Два забитых мяча и два титула победителя Лиги чемпионов УЕФА! Его опыта было достаточно, чтобы снять фильм для всех детей, любящих футбол. Он показал людям, что даже если ты получил серьезную травму, даже если тебя выгнали из команды, за которую ты когда-то играл, даже если ты скатился в любительскую лигу и вынужден продавать подержанные автомобили, если ты не отказался от своего идеала сердца, ты все равно можешь создать

легенду!".

"Мы приветствуем легенду десятилетия! Прощай, Фредди! Прощай, мистер Buzzer Beater из Ноттингем Форест!".

Когда Иствуд медленно вел своих детей по туннелю, на трибунах раздались единые голоса болельщиков. Они пели песню, посвященную Иствуду. Это было после того, как Иствуд забил решающий гол, который помог команде победить "Милан" и вернуть себе давно потерянный титул победителя Лиги чемпионов УЕФА спустя двадцать восемь лет. Болельщики сочинили для него песню героя.

"Игра длится до последней минуты, вы думаете, что все кончено? Осталось совсем немного времени, судья смотрит на часы, и твое сердце говорит: "Забудь, у нас все еще впереди"".

"Подбадривающая песня постепенно теряет свой голос, и некоторые люди начинают уходить раньше времени. На трибунах разбросаны пивные кружки, и это беспорядок!".

"Игроки соперника смеются над нашей финальной борьбой, а болельщики соперника заранее празднуют победу!"

"11-й номер команды "Форест" выходит вперед и говорит: "Нет! Игра еще не закончена! Не будьте слишком счастливы!"

"Не радуйтесь пока!!!"

"Он как Робин Гуд. Его стрела пронзает сердце врага!"

"Враги в ужасе кричат: "Кто он?!"

"Кто-он!!!"

"Его зовут Фредди Иствуд! Он мистер Buzzer Beater команды Forest!".

"Его зовут Фредди!" Он никогда не сдается!"

"Фредди, Фредди!"

Привилегия твоя - попасть под его стрелу!"

"Ла-ла-ла! Фредди! Ла-ла-ла! Робин Гуд!"

"Ла-ла-ла! Фредди! Фредди! Ла-ла-ла!"

Каждый раз, когда Иствуд забивал очередной решающий гол, эта песня звучала на домашних трибунах. Иствуд выбегал на поле с распростертыми объятиями, номер на его спине развевался, как флаг над стадионом "Сити Граунд", а число "11" на спине напоминало две острые стрелы. Он действительно был "Робин Гудом" Ноттингем Форест.

Но на этот раз Робин Гуд был ранен в колено ядовитой стрелой судьбы. Он больше не мог стоять на ногах, чтобы продолжать бой. Он упал под большим дубом, где когда-то собирался со своими товарищами по оружию, чтобы подняться на бой. Немного нехотя он простился с братьями, с которыми сражался бок о бок, оставив после себя легенду, чтобы будущие поколения смотрели в будущее и с нежностью вспоминали легенду - пока он еще был рядом, какое это было героическое время.

Волнующие голоса пели непрерывно, пока их Робин Гуд не скрылся в туннеле.

На лицах присутствующих болельщиков блеснули слезы. Они аплодировали "Мистеру Buzzer Beater" от всего сердца в последний раз и прощались с еще одной легендой "Робин Гуда".

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071742>